

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сысоев Тихон Алексеевич

ФЕНОМЕН ЛЕНИ:
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 47.06.01 – «Философия, этика и религиоведение»
09.00.05 «Этика»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва, 2019

Работа выполнена на кафедре этики

Философского факультета «Московского государственного факультета
имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель – Разин Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой этики философского факультета
«Московского государственного факультета имени М.В. Ломоносова»

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется теоретической и практической значимостью круга вопросов, связанных с этико-философским анализом феномена лени, которая, с одной стороны, является реакцией на чрезмерную интенсификацию труда, а с другой — связана с ростом числа избыточных рабочих рук, что обусловлено законами развития капитала и развитием автоматизации производства (в современных условиях).

Известно, что Кант определял порок как нарушение долга перед самим собой и как нарушение долга перед Другим¹. Исходя из заданной философом дефиниции, лень в пространстве этического — это порок. Ведь человек, предающийся лени, полностью сосредотачивается на самом себе, отказываясь от поступательной жизни (Бахтин), отвергая тяжелую необходимость действовать, сообразуясь с моральным долгом, бойкотируя установку на ответственное взаимодействие с Другим. Он как бы молчаливо покидает пространство всеобщей солидарности и взаимной ответственности, совершая тихий дрейф в сторону от этого поля напряженного и деятельного бытия. Более того, сама добродетель — ее моральная ценность, — по мысли Аристотеля, всегда сопряжена с трудностью, которую человек усилием воли должен преодолеть: «Искусство и добродетель всегда рождаются там, где труднее, ведь в этом случае совершенство стоит большего»². Ленивый же человек перед трудным трепещет и искусно его избегает.

«Лень, — пишет А.В. Прокофьев, — вносит в жизнь общества в целом и в жизнь его частных сообществ элементы паразитизма, ограничивая способность их членов содействовать благу ближнего. Одновременно лень разрушительна для нравственности самого ее носителя, поскольку

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях: Собрание сочинений в шести томах. Т. 4, ч. 2. — М., 1965. С. 324.

² Аристотель. Никомахова этика. // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.: Общ. ред. А.И. Доватура. — М., 1983. С. 82.

парализует его волю»³. Иначе говоря, праздный субъект общества, наслаждаясь благами коллектива, сам ровным счетом ничего этому коллективу взамен не дает. Это своеобразная завуалированная теплым «одеялом» ничегонеделания неблагодарность, тихое пользование «чужим», особая вялая практика воровства. Кроме того, уклоняясь от нравственных обязательств перед самим собой и перед Другим, человек как бы осознанно обрекает свои таланты и способности на «прозябание» в состоянии всегда только лишь потенциального, но не осуществленного. В Евангелии о плачевных последствиях подобного «закапывания» своих личностных начал можно найти красноречивую притчу о талантах (Мф. 25, 26). Размышления Левинаса о лени как о принципиальной нацеленности на будущее, а вместе с тем и пессимистического воздержания от него (заочная «усталость от будущего») находятся в том же концептуальном поле⁴.

Тем не менее, при более пристальном всматривании в феномен лени становится ясно, что ее аксиология и онтология не так очевидны. Ясно, что с точки зрения общества и моральной ответственности перед коллективом / Другим или же с позиций этического утилитаризма лень всегда будет осуждаться, и что даже на взятого вне социума индивида бездеятельность будет оказывать разлагающее воздействие, приносить страдание томлением, вырваться из которого «завтра» будет еще сложнее, чем «сегодня». Однако вся сложность, связанная с интерпретацией лени, заключается в том, что за каждым индивидуальным проявлением этого состояния могут стоять свои, подчас морально вполне оправданные, мотивы.

Скажем, будет ли безнравственной бездеятельность индивида, когда он, осознав порочность окружающей его социальной среды, отказывается с ней взаимодействовать, предпочитая полусонное прозябание на диване выходу в свет? А если человек испытывает духовную усталость? Если он перегорел и перспектива любой — физической или интеллектуальной —

³ Прокофьев А.В. Лень // Этика: Энцикл. словарь. — М., 2001. С. 235.

⁴ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. — М.–СПб, 2000. С. 14-18.

активности вызывает у него тошноту? Для внешнего наблюдателя такой индивид, конечно, покажется бездельником. Однако ясно, что такой модус лени уже не может быть однозначно и безоговорочно отнесен к рангу «порочного».

В этом смысле репрезентативно, что само состояние лени может быть проявлением пессимистического и даже фаталистического умонастроения, ярким примером которого является так называемый «ленивый софизм». О нем Цицерон, характеризуя взгляды фаталистов, писал следующее: «Если подчиниться [ленивому разуму], то возьмешь ли ты врача или не возьмешь, выздоровеешь. А если тебе суждено не выздороветь от этой болезни, то возьмешь ли врача или не возьмешь, не выздоровеешь. То и другое — от судьбы»⁵.

Вдобавок к этому стоит сказать, что и общепризнанной точки отсчета, некоей единой для всех ценностной парадигмы, ориентируясь на которую, можно было бы уверенно различать ленивое от неленивого, нет. Ведь лень — это категория нормативно-оценочная. Апелляция к лени в том или ином суждении, как правило, означает, что поведение человека не соответствует определенному моральному стандарту или же соответствует ему не в полной мере. А это значит, что все зависит от опции взгляда: что для одного будет проявлением лени, для другого — предельной сосредоточенностью, активизацией всех мощностей своей воли. Скажем, конечно, утрируя, для человека светского, делового, полностью отдавшего все свои силы и таланты бизнесу монах или священник — если не полный бездельник (хотя такое клише нередко встречалось, например, в советскую эпоху), то по крайней мере индивид мало полезный. Религиозный человек в ракурсе профанного больше ленив, чем трудолюбив, потому что он ошибочно направляет все свои усилия к тому, что является «бесполезным», растрачивая себя втуне, и лишь паразитирует на социальной ткани всеобщих каждодневных забот. Но и для монаха делец, «погрязший» в суетных и невечных делах этого мира,

⁵ Цицерон. Философские трактаты. — М., 1985. С. 309.

также воспринимается как бездельник. Для религиозного сознания безоглядный карьеризм, полная отдача всех своих сил мирским заботам — вредное и чрезвычайно опасное проявление духовной лени, ведь для самого главного — спасения своей души — такой человек ничего не делает⁶.

Неоднозначность лени раскрывается и в ее классификации. Так, например, необходимо разделять лень физическую и интеллектуальную. В первом случае человек может быть крайне продуктивен в том, что касается интеллектуальных операций, однако любое бытовое, физическое по своему содержанию действие будет вызывать у него ярко выраженное отторжение. Ровно то же касается и человека, для которого физическое усилие в радость, однако книга, попавшая ему в руки, будет вызывать неодолимое желание погрузиться в сладкую дремоту; глубокие размышления его не занимают, ум его ленив, вял и неповоротлив. Известно, что Кант также называл тот разум ленивым, который рассматривает свое исследование природы «как безусловно завершенное, ввиду чего разум удаляется на покой, как если бы полностью закончил свое дело»⁷.

Е.В. Золотухина-Аболина выделяет также третий, эмоциональный тип лени: «Человек, известный как отличный работник, великий аккуратист и заядлый спортсмен, может быть совершеннейшим лентяем в области человеческих отношений. Ему гораздо легче заглушить в себе любое переживание, будь то любовь, сочувствие или жалость, чем прочувствовать его, как положено живому сознательному существу»⁸.

Настаивает на необходимости различать разные проявления лени (с одной стороны, как характеристику образа действия, а с другой — лень как состояние) Т. Вархотов: «Первое — “мне лень это делать” — означает быть ленивым в смысле пойманным на нелюбви к труду и, наверняка, морально

⁶ Характерный пример подобной релятивности в оценке лени и безделья можно найти в знаменитой статье «Рыцарь-монах» Александра Блока о Владимире Соловьеве: «Вл. Соловьев поистине делал великие дела в то время, когда казался деловым людям бездельником» (курсив мой. — Т.С.).

⁷ Кант И. Критика чистого разума. — М., 1994. С. 404-405.

⁸ Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. — М., 2005. С. 54.

осужденным. Второе — “мне лениво” — экзистенциальное состояние эмоциональной невовлеченности в повседневность, — по общему мнению всех профессиональных “интеллектуалов”, — есть предпосылка для занятий философией»⁹. Второй тип лени не может быть порицаемым, ведь она пополняет внутренний духовный и интеллектуальный «резервуар», позволяет вырваться из суетящегося мира, вернуться к самому себе настоящему, взглянув на привычное по-новому, осознать в этой замедленности, каков я по отношению к Другому. Эта, пусть и временная, праздность, но уже, конечно, не порок, а своеобразная подготовка к добродетельной жизни. Лень также может быть и временным состоянием отдыха, досуга, предуготовлением к новому трудовому этапу.

Кроме того, внешне кажущаяся достойной восхищения, нравственных «аплодисментов» трудовая деятельность человека на самом деле может оказаться лишь красочной декорацией, скрывающей экзистенциальные руины, медленное моральное загнивание субъекта. Э. Фромм пишет, что и саму работу, совершаемую автоматически, скорее стоит отнести к пассивному состоянию, чем к активному: «И “активность”, и “пассивность” могут иметь два совершенно различных значения. Отчужденная активность в смысле простой занятости фактически является “пассивностью” в смысле продуктивности, тогда как пассивность, понимаемая как незанятость, вполне может быть и неотчужденной активностью»¹⁰. Когда тот или иной навык доведен у работника до автоматизма, и он из года в год совершает одни и те же операции, такое времяпрепровождение вряд ли потребует от него активизации воли. Работа будет совершаться как бы «помимо» него. Привычка скрадывает «трудность» труда.

Можно привести и другой пример. Положим, перед человеком стоят две задачи: одна — знакома, понятна, не требует никаких сверхусилий, а другая, наоборот, — в новинку, требует выхода из зоны комфорта, требует

⁹ Финиковый компот {No2}, декабрь 2012. С. 3.

¹⁰ Фромм. Э. Иметь или быть? — М., 1986. С. 117-118.

личностного инновационного прорыва, выработки нового навыка. Первая задача, конечно, более привлекательна именно в силу своей привычности для субъекта, тогда как вторая вызывает чувство тревоги, обескураживает ощущением непонимания, с какого конца к ней вообще возможно подступиться. И вот, неуверенность и страх перед возможной будущей неудачей толкают человека приступить вначале к первой задаче, хотя бы на время заслонившись этой хорошо знакомой деятельностью от той работы, для совершения которой потребуется куда больше усилий — причем, не только физических или интеллектуальных (в зависимости от характера труда), но и внутренних, личностных, потребуется, возможно, даже прыгнуть «выше головы». Переживаемое субъектом ощущение невыносимости самого факта того, что «здесь и сейчас» необходимо подняться над самим собой, став своеобразным творческим авантюристом, преодолев эту, кажется, совершенно неприступную стену, мгновенно порождает в голове сотни благовидных аргументов в пользу совершения первой, привычной деятельности. И когда человек «слагает оружие» перед доказательной мощью своего удивительно быстро мобилизовавшегося ума, приняв решение отложить трудное на потом, но, что для него утешительно, не отвергнув труда полностью, то в этом конкретном случае мы видим лишь имитацию труда и проступающую за этой «потемкинской деревней» «волю» к лени.

Таким образом, феномен лени ускользает от любых окончательных, жестко заданных моделей. В момент фиксации и препарирования она оказывается в итоге «иной», чем была «до этого», в зависимости от ценностной «начинки» направленного на нее сознания или же от ситуации и ракурса самого взгляда. Это означает, что, для того чтобы исследование лени оказалось возможным, необходимо максимально расширить спектр используемых научных подходов, рассматривая этот феномен под разными углами и с разных позиций с целью выявить, насколько это будет возможно, наиболее исчерпывающую «палитру» модусов лени. Поэтому в рамках данного исследования необходимо будет затронуть такие явления и понятия,

которые напрямую с ленью не связаны или же их связь наличествует только в обыденном сознании, тогда как в научном дискурсе, скорее, она покажется сомнительной или, по крайней мере, не столь очевидной. Мы говорим о таких понятиях, как, например, недеяние, эскапизм, праздник, досуг, созерцание, фланирование и не только. Тем не менее, нам кажется важным включить их в обсуждение лени, потому как их анализ может позволить выявить некоторые специфические черты ленивого (хотя бы даже по шкале большей или меньшей интенсивности) или же лучше оттенить феномен ничегонеделания.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на чрезвычайную важность феномена лени — она (лень) явно или скрыто сопровождает и пронизывает все существование человека, — в отечественном философском наследии мы не встречаем больших, систематических исследований, посвященных ее этико-философскому содержанию.

Однако в последние десятилетия в зарубежной академической науке заметна нарастающая заинтересованность проблематикой лени. Так, в 1995 году при Карлтонском университете в Канаде была сформирована исследовательская группа, занимающаяся проблемой прокрастинации («The Procrastination Research Group») как специфического волевого расстройства, влияющего на различные стороны человеческой жизни. Австралийские ученые из университета Ньюкасла настаивают на интерпретации лени как «неопределимой апатии», как мотивационной недостаточности (Motivational Deficiency Disorder).

Однако в психологии, помимо негативных оценок лени, существуют и позитивные, которые, например, встречаются в некоторых российских научно-популярных журналах ¹¹. Исследователи утверждают, что не пренебрегающий ленью человек сохраняет благодаря ей энергию и тем

¹¹ См.: Берендеева М. Лень — это полезно. Курс выживания для «ленивцев». — М., 2004; Полезная лень. Жизнь в правильном ритме. — СПб, 2002. — 96 с.

самым продлевает свою жизнь. Схожим пафосом пронизана публицистика ряда англосаксонских авторов, выступивших в защиту праздности, оппонирующих феномену «тейлоризма» с его грозной концепцией «научного управления» (см., например: Tom Hodgkinson, «How to Be Idle: A Loafer's Manifesto», 2007, Harper Perennial; Tom Lutz, «Doing Nothing: A History of Loafers, Loungers, Slackers, and Bums in America», 2006, Farrar, Straus and Giroux; Veronique Vienne, «The Art of Doing Nothing: Simple Ways to Make Time for Yourself», 1998, Potter Style).

Лень как способ рационального использования энергии рассматривается и в эволюционной парадигме. Так, например, П.В. Симонов и П.М. Ершов в книге «Темперамент. Характер. Личность», в частности, пишут, что принцип экономии сил не только является фундаментальной установкой всех живых организмов, но и способствует развитию креативности и изобретательства¹². Любопытно, что в ту же логику прочтения лени как оптимизации интеллектуальных и физических затрат укладывается и высказывание Гуссерля об «экономическом» характере приемов научной мысли: «Все искусственные приемы носят характер приемов экономии мышления. Они исторически и индивидуально вытекают из известных естественных процессов экономии мышления»¹³. Таким образом, ленивое парадоксальным образом рассматривается как необходимое условие для более точного и продуктивного усилия.

И. Бине, специализирующийся в детской психологии, предложил разделить феномен лени на два вида: случайную и прирожденную. Первая — по своему характеру неустойчива — проявляется в случае неудачи на экзамене, конфликта с коллегами и т.д., вторая же является прирожденной: ребенок изначально нерешителен, апатичен, вял, у него недостаточно воли

¹² Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. — М., 1984. С. 24.

¹³ Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. — Новочеркасск, 1994. С. 312.

для того, чтобы совершить проступок, преодолеть возникшую перед ним трудность¹⁴.

Некоторые психологи рассматривают лень как защитную форму поведения, которая активизируется во время психотравмирующей ситуации¹⁵. Ильин Е.П. в работе «Психология воли» выделяет четыре подхода к лени, рассматривая ее как: отрицательную, положительную, как болезнь и как миф. Отношение к лени как к мифу объясняется тем, что самому человеку, как считает исследователь, это качество не присуще, что необходимо говорить о лени как о дисфункции нейроразвития. Сам Ильин отмечает, что, давая определение лени, важно выделять в ней два аспекта: «как мотивационное состояние и как свойство личности (любовь к безделью, склонность к праздности, тунеядству)»¹⁶. О том, что причинами лени может быть низкая самооценка, тревожность, слабая нервная система, низкая мотивация, писали такие исследователи, как Е. Михайлова¹⁷, Н. Боровская¹⁸.

К. Хорни в своей книге «Невроз и личностный рост» также косвенно затрагивает тему лени, помещая ее в полотно разрушительных для личности последствий «тирании Надо» — совокупность сконструированных, эфемерных внешних требований, стоящих перед человеком, но не обуславливающих его личностный рост, наоборот, — купирующих его. Для исследовательницы лень — это инертность, наиболее распространенное невротическое нарушение, «паралич психической энергии»¹⁹, который распространяется и на мысли, и на чувства, и на действия. Хорни замечает, что такая лень отличается от праздности тем, что не выбирается человеком

¹⁴ Бине А. Измерение умственных способностей. — СПб.: Союз, 1999.

¹⁵ Посохова С.Т. Лень: психологическое содержание и проявления. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Вып. 2. 2011. С. 161.

¹⁶ Ильин Е.П. Психология воли. С. 222.

¹⁷ «Роль ситуационных и личностных факторов в формировании лени». Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1. 2007. С. 219-225

¹⁸ «Психологические и психофизиологические факторы лени учащихся». Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. — СПб, 2008. — N 32 (70), ч. 2: (Педагогика и психология, теория и методика обучения). С. 15-18.

¹⁹ Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. — СПб., 2019. С. 58.

самостоятельно и не приносит ему никакого удовольствия: «Все требования, по определению, заменяют невротизированную активную работу над своими проблемами и, следовательно, парализуют его рост. Во многих случаях они ответственны за глубочайшее отвращение к любым усилиям»²⁰.

В философско-этической литературе крупных, специальных исследований, посвященных проблематике лени, нет. Здесь если мы и встречаем размышление о лени, то, как правило, «на полях» обсуждения других, смежных с бездельем проблем. Правда, в Этико-энциклопедическом словаре можно найти небольшую статью А. Прокофьева, специально посвященную лени. В частности, исследователь дает следующее определение этому состоянию: «Лень — порок, характеризующийся уклонением человека от напряженных усилий (духовных или телесных), необходимых для достижения цели»²¹. Автор статьи указывает на то, что лень, парализующая волю, вносит в жизнь общества и отдельного индивида элементы паразитизма, которые препятствуют содействию благу ближнего. Кроме того, Прокофьев кратко описывает то, как оценивалась лень в разные периоды истории культуры и моральной мысли.

В статье «Праздность и лень» О. Зубец настаивает на нетождественности двух, казалось бы синонимичных, понятий — лени и праздности. Лень, понятая как прямое уклонение «от полезной деятельности, а значит, деятельности вообще»²², укладывается и обретает свое значение в структуре мещанского сознания. Это буржуазно понятая праздность, которая, в свою очередь, непереводаема на язык трудолюбия и принадлежит только аристократическому ценностному сознанию, в основе которого «лежит особая отделенность от пространства социальной жизни»²³. Лень же, наоборот, нуждается в трудолюбии; она всегда просвечивается в труде и неотделима от него.

²⁰ Там же.

²¹ Прокофьев А.В. Лень // Этика: Энцикл. словарь.

²² Зубец О.П. Праздность и лень // Этическая мысль. Вып. 3. — М., 2002. С. 133.

²³ Там же. С. 123.

В своей работе «От существования к существующему» Левинас пишет, что лень — «это невозможность начать, или, если угодно, это олицетворение начала»²⁴. Более того, уточняет мыслитель, лень — это отвращение, испытываемое человеком к жизни, нежелание принимать на свои плечи груз существования. Лень обусловлена страхом перед непривычным, перед тем, что может заставить человека совершить сверхусилие, это обращенность в будущее (ее местоположение всегда расположено *до* действия) и вместе с тем и заочное его аннулирование.

В 2017 году Симпозиум «Философикум-Лех 2017», который традиционно проходит в Австрии, был посвящен теме безделья, его социальной роли и философскому осмыслению. В 2018 же году вышла коллективная монография «Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба», магистральной темой которой стала оппозиция безделью / труд. На некоторых текстах этого исследования стоит остановиться.

Так, Владимир Миронов в своей статье «“Лень бытия”: метафизические искания Казимира Малевича» анализирует необычный трактат основателя супрематизма, который мы уже упомянули выше, «Лень как действительная истина человечества». С самого начала автор статьи оговаривает чрезвычайную важность понятия «лень», ведь «сущность лени как особой характеристики бытийного существования человека» так же ему необходима, как и труд. Миронов кратко, но при этом содержательно указывает на некоторые реперные точки в культурной и философской традиции осмысления лени. Он показывает, что рецепция праздности в русской культуре двойственна: она, с одной стороны, порицается, потому как мешает человеку стать «исполином» (Гоголь), а с другой — воспринимается как нечто желанное, притягательное, а иногда, с точки зрения разрешения жизненных коллизий, становится куда более эффективной, чем напряженный труд.

²⁴ Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. — М.; СПб, 2000. С. 15.

Обращаясь к анализу трактата Малевича «Лень как действительная истина человечества», В. Миронов тут же оговаривает важную особенность этого текста: автор его — художник, а потому в процессе построения своей аргументации в защиту лени он использует не только рациональные схемы и конструкции, но и чисто художественные, творчески «прочувствованные» образные ассоциации. Малевич выступает против негативной трактовки безделья. Он убежден, что человечество сфабриковало специфический миф, с помощью которого заклеило это состояние как социально непозволительное и потому недопустимое. По мнению художника, и социализм, и капитализм стремятся к ленивому образу жизни. Однако при капитализме праздность возможна только для избранных людей («праздный класс» по Веблену). Для этого они собрали достаточное количество «кусочков лени» — таково истинное содержание любой денежной единицы. В обмен на эти «кусочки» они гарантированно получили праздное, бездеятельное бытие. Социализм же в свою очередь реализует проект равного для всех членов общества распределения лени: «Совершенство последней системы идет не к умножению трудовых часов, а идет к сокращению. Выработка продуктов будет производиться постольку, поскольку необходимо человечеству. Ничего лишнего, никакого перепроизводства...»²⁵

В конце концов, Малевич приходит к пониманию труда уже в его античном измерении, как бы закольцовывая свое исследование гигантской исторической дугой. В будущем труд, по мысли художника, перестанет быть необходимостью «чисто харчевого порядка», став условием непрекращающегося самосовершенствования человека, стимулирующим его творческую реализацию, раскрывая истинную «субботнюю» (Агамбен)

²⁵ Миронов В. «Лень бытия»: метафизические искания Казимира Малевича. Взгляд из России: Размышление о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. Коллективная монография. — М., 2017. С. 36.

природу. Лень становится «самовыражением творчества человека как высшей формы свободного труда»²⁶.

Статья Вячеслава Кудашова «Мужество безделья. Труд и его судьба» «утягивает» магистральную исследовательскую тему безделья уже на этико-онтологическую глубину. «Можно ли трактовать безделье как ситуацию, онтологически первичную по отношению к делу как любой результативной деятельности?»²⁷ — задается вопросом автор. Отвечая на него, он обращается к бинарной оппозиции китайской философии — вэй и у-вэй. Вэй всегда трансформируется в у-вэй; у-вэй — есть осуществление надеяния. Таково своеобразие даосской активности, о чем Кудашов пишет следующее: «Действительно, у-вэй позволяет осуществить любые дела, поскольку, созерцая Дао, можно найти исток всех дел и осуществить любые, даже самые великие дела там, где они пока еще малы — у их природного истока»²⁸. При этом у-вэй — не патологическая лень, не предельная пассивность, но некоторая неспешность, делание без лишних усилий, без рассеивания внимания. Это умелое встраивание внешних бурлящих сил в рационализированный поток труда. У-вэй — это отточенная, заостренная на цель собранность субъекта, внутри которой он реализует задуманное с математической точностью, при минимизации физических и интеллектуальных затрат. Безделье в концептуальном поле у-вэй становится выходом из реальности, где совершение того или иного выбора является необходимостью. Теперь я принципиально «не выбираю»; реализуя у-вэй, я остаюсь за скобками тех или иных альтернатив. Онтология безделья, как замечает автор статьи, — это всегда предшествующее любой запланированной активности надеяние. Этика безделья есть мужество потому, что человек, выбирающий такой путь, должен обладать недюжинной стойкостью в том мире, где, как пишет Бодрийяр, «в созидательном

²⁶ Там же.

²⁷ Мусеев Н. Деятельное безделье: парадоксы основания // Взгляд из России: Размышление о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. Коллективная монография. — М., 2017. С. 42.

²⁸ Там же. С. 44.

неистовстве бульдозеров, сооружающих автострады и “инфраструктуру”, в этом цивилизующем неистовстве эры производства можно ощутить ярое стремление не оставить на земле ничего произведенного, на всем поставить печать производства, пусть даже это и не сулит никакого прироста богатств: производство ради меток, для воспроизводства меченых людей»²⁹.

Наконец, нельзя не отметить и вышедший в начале 2019 года номер журнала «Логос», который специально был посвящен анализу лени и праздности. Общее исследовательское направление представленных в этом сборнике статей было, как правило, детерминировано социологическим и культурологическим ракурсами. Позволим себе кратко остановиться на некоторых существенных выводах, зафиксированных на страницах этого номера.

Любопытны заданные эскизы рефлексии лени и праздности в свободном диалоге В. Вахштайна и М. Маяцкого. Так, например, было предложено различать праздность и досуг ввиду того, что первое — «это не деятельность, не апроприированная другим», а второе есть «уже занятая незанятость, освоенная, скажем коротко, “индустриями досуга”»³⁰. Иными словами, досуг — есть лицензированная праздность, время, «свободное от гудка»³¹, тогда как праздность и лень, наоборот, выпадают за пределы легитимного поля времяпрепровождения, а значит, исходя из этой логики, тунеядец и бездельник должны быть подвергнуты санкциям. Однако ситуация постиндустриального общества в каком-то смысле размывает эту демаркационную линию: сегодняшний «фрилансер» организывает свою повседневность вне жестко структурированных практик корпоративного темпорального принуждения, реальность «гудка» для него эфемерна, фактически она переносится извне вовнутрь, ведь субъект самостоятельно наполняет пустоты свободного времени работой, а значит, и легитимизация

²⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М., 2000. С. 62.

³⁰ В. Вахштайн, М. Маяцкий. Случайный труд — принудительный досуг. Дискуссия // Логос. Т. 29. #1, 2019. С. 2.

³¹ Там же. С. 3.

досуга переносится из ведения социальных институций в сферу личностного выбора, так что и интерпретации порочности праздности, добавим мы, должны быть скорректированы.

Корректировки негативных коннотаций понятий «праздность» и «безделье» С. Малышева в своей статье «“Реабилитация праздности”: производство новых значений и смыслов досуга во второй половине XIX — начале XX века» фиксирует, анализируя эволюцию дефиниции этих понятий в толковом словаре Даля (1860-е годы), словаре Академии наук (1890-е годы) и словаре Ушакова, изданном уже в советские годы, и связывает с индивидуализацией досуга в рамках ускоряющегося промышленного развития, урбанизацией и формированием особой сферы городского досуга, который постепенно выходит за пределы коллективного процесса чередования труда и отдыха. Кажется важным обратить внимание на рефлексию лени в статье-эссе В. Мазина (доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусства Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)) «Неленивые заметки о лени: Обломов, Ленин и капитализация лени», где автор, в частности, так характеризует безделье: «Лень защищает от выбора, долга, обязанностей. Но лень — это и мучительные и нескончаемые роды, ведущие к новой жизни. Лень подобна мукам рождения. Лень подобна мукам творчества <...> Лень — территория думы, мечты, фантазии»³².

Тем не менее, стоит еще раз подчеркнуть, что как в России, так и за рубежом специальной литературы по проблематике смежной и близкой с темой диссертации немного, а по непосредственной теме исследования нет вовсе.

Объектом исследования выступает лень как многосторонний социокультурный феномен.

³² В. Мазин. Неленивые заметки о лени: Обломов, Ленин и капитализация лени. // Логос. Т. 29. #1, 2019. С. 253.

Предметом исследования является этико-философская рефлексия феномена лени.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является выяснение философско-этического содержания лени, исследование влияния тех или иных социокультурных процессов на специфику праздного времяпрепровождения.

Условием для достижения поставленной цели является решение следующих задач:

- показать возможность не только негативной, но и положительной оценки лени с моральной точки зрения;
- рассмотреть генеалогию интерпретации лени и рефлексии над ней в истории философии и культуры западной и восточной мысли;
- вывить ряд культурных и понятийных феноменов, в той или иной степени связанных с проблематикой лени;
- определить спектр нравственно негативных и положительных проявлений лени;
- отобразить связь между той или иной оценкой лени с тем или иным социокультурным контекстом;
- наметить цели и задачи дальнейших исследований феномена лени.

Хронологические рамки исследования определяются своеобразием формирования рефлексии над ленью как над феноменом, являющимся неотъемлемой частью человеческого бытия. Анализ лени разворачивается с античной культуры, затем рассматривается ее место в культуре Средних веков, Нового времени и заканчивается рассмотрением современного видения лени и ее социокультурных проявлений.

Методологическая основа. Данное диссертационное исследование, построенное на основе комплексной философско-этической методологии, предполагает использование таких систем и методов, которые бы отвечали ее междисциплинарному характеру. В рамках исследования феномена лени использовались методы сравнительного и ретроспективного анализа,

историко-философский анализ, компаративный метод, которые позволили выявить максимально широкий спектр проявлений лени, с наибольшей адекватностью очертить круг явлений, с ней связанных, а также высветить специфическую сущность данного феномена. Также для реконструкции специфики лени в художественной литературе были задействованы методы литературоведческого анализа. При рассмотрении эквивалентов понятий «лень», «скука», «праздность» и «труд» в разных языках мира были использованы лингвистические методы и методы этимологического анализа.

Научная новизна исследования.

— Впервые была предпринята попытка дать целостный философско-этический анализ лени;

— показаны не только негативные, но и положительные с моральной точки зрения проявления лени;

— установлена глубокая связь лени с такими феноменами, как скука, эскапизм, гедонизм, праздность, ностальгия;

— выявлена закономерность трансформации в восприятии лени в истории этической и философской мысли.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лень может проявляться не только в качестве порочного, с моральной точки зрения, уклонения от следования долгу перед самим собой и перед Другим, а также в отказе от трудовой активности (лень тела) или от внутреннего, нравственного роста (лень души), но и как пассивная созерцательность (лень как модус эстетического), воздержание от деятельного взаимодействия с той социальной средой, которая оценивается личностью негативно с позиций нравственности (эскапизм).

2. Нравственный смысл лени неоднозначен. С одной стороны, лень обуславливает недопустимое с моральной точкой зрения состояние, оказывающее пагубное, разлагающее влияние на личность. С другой стороны, лень, ввиду специфических социокультурных процессов, становится «бездейтельным», «пассивным» протестом, своеобразным бунтом

против гегемонии труда. В таком случае лень выступает в качестве символа человеческого права на свободу и на жизнь вне ценностей, сопряженных с трудом.

3. Лень может быть обусловлена физической или метафизической усталостью — предельным экзистенциальным истощением, осознанием невозможности дальнейшего несения «груза существования», страхом перед будущим.

4. В русской культуре лень связывается не только с политической и культурной инертностью личности, ее равнодушием и нерадением о будущем, но и со спецификой религиозного сознания, устремленного к абсолютно-сакральному, эсхатологическому, что, как следствие, порождает пассивность и безразличие ко всему профанному, земному. Также модус лени в русской культуре связан с особой установкой на отказ от действия, связанной с другим явлением национальной культуры — «русской хандрой».

5. Лень и праздность внутри аристократического этоса — не тождественны. Однако, рассматривая праздность как культурный код, как непроемкий образ жизни, элитизирующий личность, мы видим, что этот феномен сближается с ленью, встраивается в гедонистическую систему, нравственно разрушая личность.

6. В эстетическом дискурсе праздность и лень нередко взаимообуславливаются и поэтизируются; лень воспринимается как блаженно-сонное состояние погруженности в самого себя, как опыт предельной уединенности, освобождение от всего внешнего, как пропедевтика к подлинному творчеству.

7. Скука как семантически предельно близкое понятие по отношению к лени приоткрывает темпоральную природу феномена праздности; скука и лень взаимообусловлены и через опыт утраты смысла ведут как к поиску добродетельной жизни, так и к нигилизму, нравственной гибели.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования будут способствовать новому, более

углубленному и проблематизированному пониманию феномена лени, ее философско-этическому переосмыслению, которое позволит обогатить имеющиеся представления о таких смежных и близких с ленью феноменах, как труд, деятельность, скука, праздность, активизм и недеяние.

Апробация и внедрение результатов исследования.

По теме диссертации опубликованы четыре печатные работы в изданиях, которые включены в Перечень рецензируемых научных изданий и журналов ВАК Министерства образования и науки РФ. Диссертационное исследование прошло апробацию в форме научного доклада автора на научной конференции:

1) Доклад на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019», секция «Этика», МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 8-12 апреля 2019. «Скука и лень: опыт философско-этического анализа».

Структура диссертации.

Диссертация изложена на 165 страницах машинописного текста, состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы (в первой, второй, третьей и четвертой главах — по три), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность темы и анализируется степень ее разработанности, дается обзор методов исследования, сведения об апробации и структуре работы. Указывается новизна исследования, определяются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Труд и лень: философско-этическое содержание оппозиции» рассматривается бинарная оппозиция труд / лень в их эволюционном развитии в истории мировой культуры и философии.

В первом параграфе первой главы «Философия труда: этимология и классификации» в центре внимания автора оказывается феномен труда. Рассматривается его значение в физическом, культурном и нравственном формировании и развитии человека; также отмечено, что, анализируя феномен труда с нравственных позиций, необходимо учитывать мотивы, побуждающие к нему человека. Кроме того, рассмотрены подходы к классификации труда в исследованиях К. Ясперса, Э. Мунье, Е. Финк, Х. Арендт; также проведен краткий этимологический анализ данного феномена.

Во втором параграфе первой главы «Труд и лень: социокультурная эволюция» реконструируется история рефлексии труда и лени от античности до Нового времени. Показано, что первоначально негативная рецепция труда, свойственная древним культурам, в частности античной, с приходом христианства, в дальнейшем — с эпохой Реформации, меняется. Труд становится сакральным, а позднее — и единственно достойным содержанием человеческой жизни, в то время как праздность и лень приобретают клеймо главного нравственного изъяна. Труд постепенно поглощает сознание и жизнь человека, жестко встраивая его в прагматическую среду производства, а усилие перестает быть внутренней, осознанной необходимостью и насаждается как бы извне — социальной машиной принуждения, темпами развития производства.

В третьем параграфе первой главы «Реабилитация лени как ответ на гегемонию труда» на основе ряда философских текстов и специальных исследований показана эволюция в восприятии лени и праздности: от порицаемого и недостойного человека образа жизни к нравственной, философской и культурной реабилитации. Лень становится символом протеста против тотальной гегемонии труда, постепенно приобретая ценность, положительный нравственный смысл в оппозиции к отчуждающей природе труда. Она начинает выступать как своеобразная сублимация того напряжения и тягостности, которыми наполнена всякая работа. Кроме того, само социально регламентированное требование деятельного усилия

постепенно девальвируется и дискредитируется, а феномен лени в перспективе XX века пропитывается и экологическими смыслами. Наконец, отмечается, что под «реабилитацией лени» не подразумевается ее полное и окончательное моральное санкционирование. Сама по себе тоска по лени есть реакция на отчуждающую природу труда, на тотальное поглощение трудом всего имеющегося времени.

Во второй главе «Этос лени в русской культуре» рассматривается и анализируется этос лени в русской культуре через реконструкцию базовых установок национального миропонимания.

В первом параграфе второй главы «Лень в русской языковой картине мира» рассматривается концепт «лени» в русской языковой культуре. Показано двойственное отношение к лени в русской культуре: с одной стороны, ленивое состояние купирует возможность роста, самореализации, внутренне разъедая и деформируя человеческую личность, а с другой — воспринимается как радостный просвет в трудных и тревожных сумерках повседневной жизни.

Во втором параграфе второй главы «Место лени в русском миропонимании» показано, что в русской философии проблематика лени поднимается в связи с обсуждением и философской реконструкцией базовых установок национального мирозерцания, его специфической религиозности, мессианства, эсхатологичности, пренебрежительного отношения к земным благам, и проистекающую из этих характеристик слабость социальных и культурных форм, которая, к тому же, детерминируется и спецификой русского пространства: огромные просторы Восточно-европейской равнины, а также чрезвычайно суровые климатические условия для жизни и ведения хозяйства навязывали человеку постоянное ощущение бессилия.

В третьем параграфе второй главы «Метафизика лени в русской философии» показано, что лень в русской культуре — сложный феномен, трагически окрашенный не только историческими и географическими

реалиями, не только пессимистическим мироощущением своей неустроенности в пространстве этого «бренного» мира (стратегия эскапизма), но и «русской хандрой» как своеобразной установкой на бездействие. Также лень в русской культуре рассматривается как слабость внутренней дисциплины, излишняя мечтательность, чрезмерное смирение и неверие в свои собственные силы. Кроме того, лень в русской культуре проявляется как физическая и метафизическая усталость. Рассматривается и феномен «обломовщины» как специфический модус лени в русской культуре. Показано, что, с одной стороны, «обломовщина» нравственно разлагает личность, парализует волю в ностальгической позе по отношению к действительности, постепенно делает человека неспособным к добродетельной жизни, а с другой — может быть прочитана как манифестация морально оправданного образа жизни, который противопоставляется вечной беготне человека в колесе забот, как выбор в пользу модуса «быть», а не модуса «иметь».

В третьей главе «Скука и лень» проведен этико-философский анализ скуки и лени, который не только позволил расшифровать переживание ленивого в его сопоставлении с категорией времени (в ситуации особенной встроенности духа в не ухватываемую и не препарированную рассудком длительности), но и высветить неоднозначную с моральной точки зрения природу лени в ее скучающем модусе.

В первом параграфе третьей главы «Этимология и типология скуки» дан краткий этимологический анализ скуки, показана глубокая связь этого феномена с ленью. Также представлена типологизация скуки, которая, как правило, распадается на ситуативную, поверхностную, и экзистенциальную, глубокую. В целом, языковое функционирование концепта «скука» находит свое выражение в переживании субъектом утраты смысла, прочности экзистенции, безвременности. Скука рождается под напором внешней среды, нудной и бессодержательной, или же через призму внутренних метаморфоз — в дискомфорте и раздражении, беспокойстве и

болезненности восприятия. Скучение обворовывает моральную привлекательность труда, делает его утомительным, безынтересным, обеспечивая «субстрат» для лени. На пределе переживания экзистенциальной скуки человек разрывается между двумя крайними точками: одна из них дает надежду на прорыв к смыслообразующему пути, а другая раскрывает перед индивидом провал в окончательное разочарование, за которым всякая ценность девальвируется. В двух последующих параграфах отдельно рассматривается каждый из этих двух сценариев.

Во втором параграфе третьей главы «Скука, лень и нигилизм» показано, что лень, вырождающаяся в скучение, может привести к нигилизации личности. Литературным воплощением такого модуса существования стал Ставрогин — «царь равнодушия», как его окрестил Камю. Подобное «нарочитое» праздное существование приводит к тому, что любое предъявляемое извне должностное воспринимается человеком как угроза, как тяжелейшее бремя, которое кажется ему совершенно непосильным и, более того, просто ненужным. Воля такого человека становится все более ленивой; перед лицом нравственного выбора, ответственности он «пасует». Он становится идейным лентяем, потому что достижение чего бы то ни было *a priori* невозможно; ценностный вектор деятельности утратил свою направленность, потому что не стало самого вектора.

В третьем параграфе третьей главы «Прорыв из скуки и лени» автор рассматривает второй сценарий, в рамках которого экзистенциальная скука, наоборот, может сподвигнуть человека на прорыв из плоскости обыденного, аморфного бытия, на попытку снять разрыв между событием и повседневностью. «Спасение» от скуки возможно не в беспрестанной деятельности (такой путь лишь углубляет метафизическую усталость), а, как настаивали Хайдеггер, Сартр и Бродский, в настройке на еще более глубокую скуку, поскольку именно через предельное погружение в это состояние оказывается возможным самообнаружение бытия, открывается творческое и

нравственное осознание своей тщетности, малости, из которого рождается требование любовной заботы о Другом. Наконец, резюмируя, автор замечает, что если в оппозиции к труду лень проявляется как призыв «выключить» машину, остановить бесконечное стремление к «улучшению», то в «скушающем» модусе она есть симптом тотальной усталости от будущего, акт дискредитации «нового», постоянный скепсис перед всякой модернизацией, продуцирующий праздный и отстраненный (ироничный) жизненный стиль. Однако опыт подобного глубинного разочарования способен развернуть человека к себе подлинному, воспитать в нем трепетное довольство малым, повседневным.

В четвертой, заключительной, главе диссертации проведен философский и этический анализ праздности и лени и предпринята попытка обозначить и разграничить те сферы, где «точки пересечения» праздного и ленивого наличествуют отчетливо и ясно и где эти два традиционно отождествляемых понятия оказываются несводимыми друг к другу.

В первом параграфе четвертой главы «Праздность и лень в ценностной системе аристократизма» праздность рассматривается как часть аристократического этоса, где она оказывается противопоставленной лени, которая в рамках этой оппозиции выступает как праздность, но уже «абсорбированная» мещанским ценностным сознанием. Праздность, преломленная через аристократическую систему ценностей, есть не бездействие, а деятельность, которая не продиктована извне, не направлена на пользу, а сама из себя и только для самой себя обретает значимость. Таким образом, если лень, понимаемая строго в намеченном контексте исследования феномена аристократизма, — это *состояние* абсолютного бездействия, парализованности воли, которая потому «парализована», что диалектически связана с давящей необходимостью труда, то праздность — есть специфический *образ жизни*, который поднимает человека над царством необходимости.

Во втором параграфе четвертой главы «Праздность в пространстве

нравственности» праздность рассматривается не изнутри аристократического этоса, а снаружи, в ее социо-историческом измерении. Используя концепцию «праздного класса» Т. Веблена, автор отмечает, что праздность может выступать в качестве знака элитарности, социальной выделенности, определять не только вертикаль общества, но и вектор его социальной динамики. Возможность непроизводительного потребления времени открывает перед человеком возможность свободной, ничем не обремененной деятельности. Однако такая праздности может привести к тому, что человек, прожив всю свою жизнь без необходимости каждый день добывать «хлеб насущный», не только не пользуется тем богатством свободного времени, которое получил, но, наоборот, растрчивает его впустую, саморазрушаясь. Праздное существование, оформленное человеком гедонистически, этически перекаливается с феноменом удовольствия. Стремление к удовольствию, став основополагающим принципом жизни, «развязывает» человека и не только нравственно его разрушает, но и «заражает», как замечает Л. Толстой, тех, кто мечтает о таком праздном образе жизни, обрекая неимущие классы на паразитизм и социальную деградацию.

В третьем параграфе четвертой главы «Праздность праздника и эстетическое содержание лени» автор смотрит на праздность через призму праздника, а также — как модус эстетического. Краткая характеристика феномена праздника в трудах ряда философов и исследователей позволяет отметить, что через феномен праздника возможно высветить особый модус праздности, который переживается человеком как торжество своего бытия, восстановление утраченного общения с Богом, как радостное созерцание полноты исполненного и завершеного мира, в котором «все хорошо весьма». Проклятие труда внутри этого пространства оказывается аннулированным. Связь праздника и праздности усматривается в таком умонастроении, которое непроизводительно, всем довольно, которое направлено к миру, ничего от него не требуя, но воспринимая его в качестве

исполненного; и потому так увиденный мир воспринимается личностью как объект, который требует эстетического отношения. Такое измерение феномен праздности получает в рамках китайского философского принципа у-вэй. Состояние недеяния по-своему сопряжено с праздностью в качестве особой обращенности к целостности мира; это определенная недейтельная стратегия невмешательства в естественный порядок вещей, следование истинной мудрости — Пути-Дао. Наконец, показано, что в искусстве праздность нередко рассматривается как модус эстетического — отсюда устоявшееся понятие творческой лени как состояния особой, медитативной, внутренней настроенности человека на пассивное созерцание мира как целого. Резюмируя, автор замечает, что лень в модусе праздности есть уже не страх перед будущим, а радостный отказ от него, ведь того, что есть, — вполне достаточно.

В заключении подводятся итоги исследования лени, делаются общие выводы, намечаются вопросы для дальнейшего изучения данного феномена. Показано, что лень распадается на полюса: на одном из них она сковывает и разлагает личность, а на другом — пребывает как идеальная цель, достигнув которой, человек обретает счастье в осознании завершенности и исполненности бытия и в остановке воспроизводства нового / лучшего. Дается и дефиниция лени, которая есть такое состояние, которое всегда находится по ту сторону необходимости и может быть связано либо с физической или духовной усталостью, либо с парализующим страхом и уязвимостью, либо с полной — кажущейся или действительной — жизненной удовлетворенностью, заглушающей или отменяющей необходимость какой бы то ни было модернизации. Отмечается, что, говоря о порочности лени, о ее «девиантности» по отношению к некоему моральному стандарту, следует учитывать тот социокультурный ландшафт, на фоне которого считывается этот нравственный изъян или же, наоборот, заметна тенденция к апологизации лени. Также, исследуя природу лени, необходимо задаться вопросом: с каких позиций мы смотрим на этот

феномен? Кроме того, чтобы попытаться зафиксировать наиболее широкий спектр модусов безделья, необходимо максимально расширить пространство анализа, рассмотрев лень во взаимодействии с такими иногда более, а иногда и менее феноменологически близкими к ней понятиями, как праздность, скука, недеяние, праздник, эскапизм. Наконец, рассматривая феномен лени и труда, необходимо учитывать конкретные человеческие мотивы.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах Web of Science, Scopus, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 47.06.01 – «Философия, этика и религиоведение» 09.00.05 «Этика»:

1. *Сысоев Т.А.* Реабилитация лени как ответ на гегемонию труда. // Философия и общество. 2018, № 2 (87). С. 92-111.
2. *Сысоев Т.А.* Рец. на кн.: Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. // Вопросы философии. 2018, № 5 (0.)
http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1969&Itemid=52
3. *Сысоев Т.А.* Этнос лени в русской культуре. // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 2019, № 3. С. 92-108.
4. *Сысоев Т.А.* Скука и лень: философско-этический анализ. // Философия и общество. 2019, № 3 (92). С. 106-125.